

единения со слушателем, поглощенным не только тем, о чем говорится, а и тем, как говорится.

Особый тип рассказчика, близкий сказителям народных сказок и бывальщин, в соединении с остальными конструктивными элементами рождает особое лиро-эпическое начало сказов Ермакова.

В них превалирует языковая стихия: манера повествования господствует над сюжетом. Сказ Ермакова лежит на грани поэзии и прозы, являясь порождением поэтики народного речения как некой архаической формы повествования, где ритмическая организация, работа над словом, его звучанием параллельна работе над образами, сюжетом и композицией. Отсюда - иной, чем в прозе, удельный вес каждого слова: оно более значимо, более насыщено, эмоционально окрашено, несет больший личностный колорит. По своему качеству язык сказов Ермакова приближается к языку поэзии. Наличие яркого образного строя, лиризм делают речь рассказчика поэтически звучащей, воздействующей на слушателей в момент говорения, поражающей красотой и задушевностью. Именно такое слово, льющееся, завораживающее, организует пространство ермаковского сказа.

В соединении лирического и эпического обнаруживаются основные черты сказов Ермакова, проявляется своеобразие и неповторимость творческой манеры писателя, его связь с эпохой.

А. М. Зотов
Кемерово

НОВЫЙ И ПИСКАРЕВСКИЙ ЛЕТОПИСЦЫ КАК ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Новый и Пискаревский летописцы (НЛ и ПЛ) представляют собой наиболее значительные летописные памятники официального и неофициального летописания. Если для НЛ, вышедшего из официальных кругов, характерна четкость идеологической позиции его составителя, то в компилятивном ПЛ нет единства политических взглядов на события и лица "Смуты".

В ПЛ, как и в НЛ, отправление на удел в Углич царевича Дмитрия изображается как дело одного Федора Ивановича и совершенно не говорится об участии в нем Бориса Годунова. Оба автора одинаково сообщают о гонениях на Нагих, последовавших вслед за смертью Грозного. Однако составитель ПЛ не прослеживает историю постепенного возвышения Годунова, как это делает автор НЛ, он даже

не склонен обвинять Бориса Годунова в чем бы то ни было, за исключением убийства царевича Дмитрия. Более того, в ПЛ говорится, что Борис “стал править всю Рускую землю” “по повеленью” самого царя Федора, а не самовольно, узурпировав власть.

Оба автора между тем недвусмысленно говорят о том, кто направлял нож убийц царевича Дмитрия, при этом они не ссылаются на слухи и народные толки, как это делает еще составитель Хронографа 1617 года. Их приговор Годунову категоричен. Однако если рассказ НЛ следует признать оригинальным, то сообщение об этом преступлении в ПЛ, очевидно, заимствовано его составителем из какого-то более раннего пространного источника. Источник этот был, вероятно, подвергнут некоторой стилистической правке и значительно сокращен. В отличие от ПЛ рассказ об угличской кровавой драме в НЛ подготовлен всем ходом повествования, и для читателя это преступление царского шурина - лишь одно из звеньев в цепи преступлений Годунова, направленных на захват и удержание царского престола. Основная же часть рассказа ПЛ о событиях в Угличе выглядит как краткий пересказ чужого текста. В тексте ПЛ встречаем ряд подробностей, отсутствующих в сообщении НЛ: в числе посланных в Углич для расследования убийства царевича Дмитрия ПЛ называет помимо Василия Шуйского и А. Клешина еще и митрополита Крутицкого и дьяка Е. Вылузгина. В НЛ говорится лишь, что царь Федор Иванович отправил в Углич с указанной миссией “болярина князя Василия Ивановича Шуйского да с ним Андрея Клешина и властей”. Кроме того, сообщая о погребении царевича, составитель ПЛ приводит ряд любопытных деталей, имеющих отношение к Дмитрию. Если в НЛ и говорится об ожерелье, бывшем на царевиче в день убийства, то остальные подробности, приводимые составителем ПЛ, отсутствуют.

Вслед за известием о погребении царевича составитель ПЛ сообщает, забегая вперед, о перенесении мощей царевича при царе Василии Шуйском из Углича в Москву. Вставка эта сделана довольно неискусно, поскольку разрывает повествование о событиях в Угличе, и уже после этого отступления компилятор опять вынужден вернуться к своему рассказу и сообщить о судьбе Марии Нагой и ее родственников. Заканчивается же эта пространная летописная статья сообщением об опале, которой подвергся князь И. Ф. Мстиславский, сосланный в Кириллов монастырь, где впоследствии и скончался, совершенно не имеющим отношения к угличским событиям и их последствиям. Это сообщение вновь возвращает нас ко времени правления царя Федора.

Таким образом, в отличие от искусно составленного драматического рассказа о событиях в Угличе, находящегося в составе НЛ, сообщение ПЛ не представляет интереса с точки зрения литературной, поскольку содержит в своем составе простой ряд кратких известий летописного типа, не связанных сюжетно. Учитывая отмеченные подробности, встречающиеся в составе компилятивного ПЛ, следует сделать вывод, что составители НЛ и ПЛ, вероятно, не зависели в данном случае один от другого или от какого-то общего источника. Между тем в НЛ и ПЛ встречаем и довольно пространный рассказ о королевиче Иоганне, женихе царицы Ксении. Эти сообщения сходны фактически, близки они и по синтаксической структуре: оба заканчиваются простым предложением, содержащим одну и ту же информацию, связанным с предыдущим сочинительной связью. Подобное сходство вряд ли возможно отнести к числу случайных.

Думается, нет достаточных оснований отказываться от гипотезы, согласно которой в распоряжении составителей НЛ и ПЛ был один источник (В. Г. Вовина), конечно, не единственный! Однако нет ничего удивительного в том, что следы его обнаружить довольно сложно. Составитель НЛ был весьма искушенным автором, умело распространяя краткие летописные статьи известиями, представляющимися ему особенно важными. К тому же он включал в свое повествование в переработанном виде целые фрагменты из используемых им источников, достаточно критически к ним подходя. Отказаться от наличия общего источника у составителей НЛ и ПЛ мы не можем, поскольку в текстах рассматриваемых сочинений встречаются характерные совпадения отдельных деталей.

Сравнительное изучение НЛ и ПЛ приводит нас к заключению об оригинальности большей части известий, приводимых составителем НЛ. Для него характерна сдержанная манера повествования, умелое использование оригинальных деталей, имеющих литературную природу, и способность целенаправленно и последовательно выражать центральную для всего повествования идею ложного и истинного государя.